

МАША МУСАТОВА
И
СМЕХ СФУНІКСА

Панець
обсидіановий
бабочки

Лиана Мусатова
Смех сфинкса. Танец
обсидиановой бабочки
Серия «Смех сфинкса», книга 2

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27109612

Смех сфинкса. Танец обсидиановой бабочки: ИП Бастракова Т. В.

Проект электронного книгоиздания «Атанор»; М.; 2017

ISBN 978-5-9500760-0-8

Аннотация

«Танец обсидиановой бабочки» – вторая книга трилогии «Смех сфинкса». В ней герои продолжают познавать мир и самих себя, вспоминая знаковые эпизоды одной из прошлых жизней в племени майя, что помогает им воссоздавать ещё более полную картину связи своего внутреннего мира с внешним, подсознания с сознанием. Читатель знакомится с древним артефактом, переданным главной героине Пернатым змеем, на котором спустя века ей предстоит прочесть судьбоносную информацию для человечества. Многие считают область метафизики туманной. Автору удастся рассеять этот туман, туман человеческих заблуждений, посредством экстрасенсорного восприятия окружающего мира и расширенного мышления героев, зачастую называемого в современном мире мистикой.

Содержание

Искусство постижения	5
Глава 1	12
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лиана Мусатова

Смех сфинкса. Танец обсидиановой бабочки

© Мусатова Л. А., 2017

© Дизайн обложки. Натарина Л., 2017

© Верстка. ИП Бастрасова Т. В., 2017

* * *

Искусство постижения

Проза Лианы Мусатовой зарождается в той многогранности творческого восприятия, благодаря которой писатель начинает постигать мир не в огрубевшем реализме повседневности и не в тех видениях, на грани «фэнтэзи», в которых зарождаются образные иллюзии некоей прагматически выстроенной, компьютерной виртуальности, в которой вполне воодушевленная Земля оказывается поработанной почти лишенными какой-либо одухотворенности, роботизированными землянами... Нет, в своем романе «Танец обсидиановой бабочки» Лиана Мусатова пытается вернуть нас к тем каноническим постулатам и сокрытым таинствам цивилизации, благодаря которым человечество способно познавать себя и во множественности «гомосапиенсных» миров; и в магических «петлях» времен, событий и поколений; и в кармических циклах перевоплощений. Причем фабула произведения выстраивается таким образом, что наше читательское осознание образа, скажем, главной героини романа, Лии, происходит вместе с осознанием самой этой женщиной таинственных связей с реальным и «потусторонним» миром; осознанием своей миссии в процессе самосовершенствования человека и человечества...

«Никто ей этого никогда не говорил, нигде об этом она не читала, но с детства считала „людей от земли“ более чест-

ными, более искренними, более истинными, что ли, потому что, живя на ней, общаясь с ней, питаясь её соками, они просто не могли быть другими. Она им больше верила, считая, что они меньше врут и лукавят. Они более душевные, и душа у них чище. Конечно, встречаются и антиподы, но в основной своей массе они заслуживали её уважения и расположения. Общаясь с ними, она всегда убеждалась, что права в своих ощущениях. От них исходит сила земли, тот дух земной, которым они щедро делятся. Они свято хранят наследие предков, знают много старинных сказаний, которые городские считают проявлением „деревенщины“, а значит, недалёкости, необразованности, и вообще, некоей „забобонности“. А Лия находила в них мудрость веков, скрытую под сложными сплетениями сюжетов».

Обращаясь к прошлым жизням героев, автор пытается воспроизводить процесс становления человеческой личности, в частности, процесс приобретения тех навыков, знаний и привычек, которые, оставаясь в подсознании, следуют за человеком из жизни в жизнь, удивляя при этом самого обладателя этих знаний, предстающих перед ним и его окружением в виде неких прирожденных способностей, в виде таланта, величия и божественного дара Творца.

Постепенно у героев романа, а значит, и в сознании читателя, формируется понимание того, что генная память хранит решительно всё, что происходило с нами не только за долгий период взросления, но и в прошлых циклах нашего

восхождения к Высшему Совершенству. Проникая в глубины эзотерических знаний, Лия, Орнелла, проповедник Захи, и другие герои романа «Танец обсидиановой бабочки», помогают, – уже не столько себе, сколько нам с вами, – переосмысливать отношение к жизни, пересматривать, теперь уже на духовность выверяя, давно устоявшиеся бытовые, общественные, мировоззренческие и прочие позиции; вновь и вновь открывать для себя непостижимую божественность мироздания и холодное, непознанное величие Космоса.

Знания, доселе хранимые в недоступных тайниках древних святилищ, только потому и открывались героям романа, что, волею автора, им уготована была особая миссия – предстать перед своей эпохой в ликах «великих посвященных», способных постигать вечные истины познания. В реальном, физическом, мире Лия всего лишь путешествовала по современному Египту, на самом же деле, некое генное сознание заставляло ее путешествовать во времени и пространстве, по всей цепи своих былых «пришествий» на эту землю.

«...На тропе духов, на этой „вене дракона“, – читаем в романе Лианы Мусатовой, – она поняла, что открыла следующую страницу своей жизни. Пришло понимание того, что препятствия, даже те, которые кажутся неудачами, – это знак к переориентации. И для того, чтобы „прочсть“ эти знаки или послания, надо обладать воображением и время от времени напрягать его, прислушиваться к нему. Надо научиться переплавлять свои ощущения и символы – в образную систе-

му... Лия уже привыкла к тому, что информация, поступающая ей, – дозирована. Она не ведала принципов этой дозировки, но знала, что позже придет все остальное, и то, что на сегодня является загадкой, неминуемо будет разгадано. Так уже было не один раз. Иногда разгадка приходила вся сразу и быстро, иногда же на это уходило несколько лет, и информация подавалась по частям. Не всегда это было во сне, порой она находила ее в книгах, газетах, телепередачах, иногда же – просто в общении с людьми, причем совсем незнакомыми...»

Так уж задуман сюжет этого произведения, что, пребывая в центре современного мегаполиса, любой из героев способен почти мгновенно «телепортироваться», скажем, в африканскую пустыню, а находясь у подножия пирамиды, неожиданно «вспомнить» себя в облике воина Александра Македонского или вождя затерянного посреди амазонских джунглей первобытного племени. Но, при всей наукообразной усложненности многих фрагментов романа «Танец obsidianовой бабочки», без которой подобные произведения никогда не обходятся и которые явно рассчитаны на читателя более или менее подготовленного, Лиана Мусатова все же никогда не преступает грань, за которой художественное произведение неминуемо превращается в популяризаторскую брошюрку общества «Знания». Именно поэтому она использует любую возможность, чтобы самые проблемные, философские размышления наполнить вполне земной чувствен-

ностью, а самые интимные, греховные порывы и чувства облачить в философию возвышенной, самим Творцом освященной страсти. И тот факт, что порывы подобной страсти порой прорываются к героям романа сквозь космическое забвение прошлых жизней, вовсе не лишает их вполне земного, каждым из нас осязаемого драматизма:

«...Однажды ветер принес аромат полевой ромашки, загадочный и мягкий, с едва уловимым терпким оттенком. Это был аромат пушистой пряди волос, такой же мягкой, переливающейся волнистыми завитками. Его взбудораженное изображение рисовало картину одну заманчивее другой. Он погружался в волшебное облако волос и, упоенный его ароматом, уносился вдаль по горячей тропинке желания. Ее волосы сводили его с ума своим шелковистым отливом и, едва прикасаясь к щекам, в его воображения будили ответную нежность. Они манили его в неизведанное, они будоражили в нем до сих пор незнакомое ощущение, острое, пронизывающее все его существо. Потом до его ноздрей долетел смешанный аромат лесных ягод, который слетал с ее губ. Этот аромат исторгал такой жгучий соблазн, что щеки загорались чувственным огнем, а его самого несло в неудержимом потоке над джунглями, над осознанием себя, над бранным бытием. Когда он возвращался из своего путешествия, сердце его все еще билось в учащенном ритме, и ему требовалось немало времени, чтобы осознать себя».

Как и все предыдущие, в том числе и поэтические, произ-

ведения Лианы Мусатовой, роман «Танец обсидиановой бабочки» – не из серии легкого, занимательного чтения. В то же время, как и подобает истинному, талантливому литератору, Мусатова не стремится подменять философию бытия своих героев излишней, нарочитой заумью. В том-то и дело, что, в конечном итоге, весь внутренний мир ее героев оказывается сотканным из той глубинной житейской мудрости, ради которой только и стоит создавать свои произведения писателю, уже в полной мере познавшему тот по-настоящему... настоящий, реальный, неким техногенным безумием инфицированный, мир...

*Богдан Сушинский, писатель, академик, профессор,
литературовед.*

*Чудеса не противоречат природе, они
противоречат лишь тому, что мы знаем о природе.
Святой Августин*

*Что было, то и будет, и что творилось, то
творится, и нет ничего нового под солнцем.
Книга Экклесиаста (пер. И. М. Дьяконова)*

*«Они (первые люди) были наделены
проницательностью; они видели, и их взгляд тот
час же достигал своей цели. Они преуспевали
в видении, они преуспевали в знании всего, что
имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они
сразу же видели и созерцали от верха до низа свод
небес и внутренность Земли. Они видели даже вещи,*

скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая даже попытки двигаться, – и они видели его с того места, где они находились... Они исследовали четыре угла неба, четыре точки неба, свод небес и внутренность Земли».

«Пополь-Вух», часть 3, глава 2, пер. Р. В. Кинжалова.

Глава 1

Назад шли молча. Говорить никому не хотелось. Издавать какие-то звуки было бы святотатством. Погружённые в видения и звучания космоса, всё ещё ощущая их воздействие, обуреваемые пережитыми и переживаемыми чувствами, опасались спугнуть вселенские небесные звуки звуками земными. То, что звучало минуту назад, нельзя было сравнить с музыкой, слышанной на Земле. В ней не было привычной земной гармонии, но это тоже была музыка, астральная, разливающая спокойствие и дарящая счастье. Всё ещё звучали в ушах мотивы, сопровождавшие видения, и не только звучали, но и работали. Мелодии высших измерений астрального мира вытесняли, вымывали из души всю грязь, все наслоения горя, тоски, неудовлетворения. Душа становилась лёгкой и чистой. Её духовная наполненность, светлый настрой вызывали к жизни самые лучшие человеческие качества. Чистота звучания, её божественные вибрации, уносили в заоблачные выси, недостижимые для земного сознания простого смертного. Необычная, мистическая музыка завораживала непреодолимым магнетизмом, притягивала, вовлекала, окутывала, очищая и возвышая.

Каждый пытался разобраться в себе, объяснить те новые, удивительные, вызывающие сомнения, но не отталкивающие, а побуждающие к размышлению, ощущения и пережи-

вания. И, хотя они не могли чётко сформулировать всё то, что несколько минут назад с ними произошло, не могли сделать какие-либо выводы и умозаключения, одно знали твёрдо: никогда не будут прежними; никогда не будут такими, какими пришли в это древнее святилище Тота. Теперь совершенно по-другому воспринимался не только окружающий мир, но и свой внутренний. Сколько раз каждый из них слышал: «Человек – песчинка в мироздании», но впервые ощутил себя этой песчинкой, летящей во времени, вкручивающейся в раковину эволюции бытия. И таких раковин много. У каждого – своя: у каждого человека, у каждого племени, у каждой расы, у каждой цивилизации. По этой спирали восходят к совершенству и по ней же низвергаются, допустив ошибку. И определяющим в жизни каждого является Любовь, но не та, которую мы знаем на Земле, не поцелуи, объятия, ласковые слова и соитие, а нечто большее – необъятное, наполняющее человека восторгом, как воздушный шарик воздухом. Эта всеобъемлющая и всемогущая Любовь им, как землянам, была незнакома. Они ощутили ее там, только в головокружительном полёте к совершенству. А то, что они ощущали на Земле, то мелко и не так значимо, так себе – низменные страсти, стремление к обладанию, утверждение собственного Я и удовлетворение похоти. Небесная Любовь меняет миры и души, объединяя их и разъединяя, а земная – тела и сердца. Но человеческое тело во всей его красе и уродливости – всего лишь оболочка, оболочка сущности вселен-

ского существа.

«И все-таки земная любовь делает лицо женщины красивым. Любовью сияют глаза и излучают необыкновенный свет, разглаживаются морщинки, наполняет все существо энергией жизни, энергией радости. Когда ты влюблен, для тебя не существует препятствий, тебе все по плечу. Так что же тогда эта наша земная любовь?» – рассуждала Лия. Вспомнила, как пару дней назад была у моря и любовалась лунной дорожкой. Прошла на территорию гостиницы и увидела, что в бассейне на глади воды лежала такая же лунная дорожка. Луна одна, а дорожки две. И это только здесь. А сколько их сейчас на всей планете? Луна отражается в каждом водоеме. Это было открытием. Как можно было не заметить это раньше, не подумать об этом? Увиденное повлекло за собой размышления, и вдруг выплыла ассоциация: так и любовь. Она одна, но внушаем мы ее многим. И в каждом сердце она загорается с неслабеющей силой. Но это человеческая любовь. Сегодня же её окунули в любовь божественную. И на фоне этой любви она столько получила знаний, и таких неожиданных, что захлебнулась от удивления и восторга.

Она вспомнила, что однажды уже было ощущение себя как воздушного шарика. Это было много лет назад во время каникул, которые устроила себе, устав от противостояния с главным редактором. Подумывала сменить начальника, а решение следовало выносить при холодном рассудке и никак

не после ссоры.

Она и раньше слышала, что существуют линии, по которым перемещаются потоки земных энергий, что-то наподобие энергетической сетки. В точке пересечения этих энергетических дорог образуются узлы силы, способные аккумулировать и высвободить мощь земли. Учёные, изучающие геомантию, утверждают, что именно в этих местах располагается большинство древних языческих святилищ. Эти дороги или тропы народы называют по-разному. Лия запомнила китайское – «вены земного дракона». От него веяло романтикой, да и она сама родилась в год дракона, а посему считала, что имеет к нему какое-то отношение. Вроде бы как родственники.

Узнав, что в Воронеже проходит такая тропа, усеянная аномальными зонами, для своих каникул выбрала это место. Ей так необходимо было уйти из этого надоевшего мира с его склоками, ревностью, интригами и завистью. Хотелось побывать там, где ничего этого нет. На месте уже узнала, что их тропа интересна тем, что все аномальные участки выстраиваются в одну прямую линию. Места живописные. Тропа проходит от водохранилища к Белой горе. Археологи обнаружили древнейшие славянские поселения, которые упорно заселялись в этих местах в течение трёх столетий разных эпох.

Как всегда, Лия завела знакомство с местным. Им оказался пожилой дворник.

Обычно местные собеседнику рассказывают больше, чем журналисту, поэтому она не спешила представляться. И на этот раз надеялась от него узнать то, что экскурсоводы не имеют права говорить. Никто ей этого никогда не говорил, нигде об этом она не читала, но с детства считала людей от земли более честными, более искренними, более истинными, что ли, потому что, живя на ней, общаясь с ней, питаясь её соками, они просто не могли быть другими. Она им больше верила, считая, что они меньше врут и лукавят. Они более душевные, и душа у них чище. Конечно, встречаются и антиподы, но в основной своей массе они заслуживали её уважения и расположения. Общаясь с ними, она всегда убеждалась, что права в своих ощущениях. От них исходит сила земли, дух земной, которым они щедро делятся. Они свято хранят наследие предков, знают много старинных сказаний, которые городские считают проявлением «деревенщины», а значит, недалёкости, необразованности, и вообще, некоей «забобонности». А Лия в них находила мудрость веков, скрытую под сложными сплетениями сюжетов. Не на блюдечке с синенькой каёмочкой она подаётся. Чтобы её разгадать, найти истинный смысл, потрудиться надо. С детства её притягивали растения. Она разговаривала с ними, гладила листья, боялась обидеть чем-нибудь. Позже прочла, что не зря: растения очень реагируют на поступки и чувства людей. Учёные проводили опыт: если человек, сорвавший лист на цветке, проходил мимо него вторично, цветок реагировал –

это фиксировали приборы. Вот и получается, что она была права в своём мнении по отношению к сельским жителям, с любовью относящимся к природе, своей кормилице. Каждый из них знает, что земле надо не один раз поклониться, чтобы она дала хороший урожай. Природа им тоже отвечает любовью, наполняя души добром и нужными знаниями. Ведь сколько информации содержится в семени любого растения! Оно знает, какие соки брать из земли, когда ему прорасти и с какой скоростью, когда приносить плоды и какую форму и цвет им придать, а ещё и... аромат. Получается, что в каждом семени заложена мудрость вселенной, а селяне её разгадывают, помогая растениям. Каждый плод содержит не только питательные вещества, но ещё и лечебные, и они это знают, а городской человек утратил умение распознавать это. Для городского человека природа дикая, правильнее будет, незнакомая, а для деревенского жителя – это среда обитания, с которой он связан тесными узами. Они чаще ходят по земле босиком, чаще лежат на земле, что немаловажно для общения человека с информационными и силовыми потоками.

Дворнику призналась, что приехала сюда, чтобы увидеть местные чудеса. Он согласился быть её проводником и назначил встречу перед полночью у входа в санаторий, где она поселилась.

– И куда же мы пойдём ночью и что увидим?

– Пойдём на место древнего городища. Туда является дух этого места. Его вы, может быть, увидите, а может быть, и

нет. Как повезёт. Но то, что увидите чудеса, гарантирую. Правда, у каждого они свои. Все рассказывают по-разному. Это, видно, зависит от человека: дух выбирает, кому что показывать.

Последние слова заинтриговали Лию, и она согласилась в одиннадцать стоять у входа. В назначенный час, в спортивном костюме и кедах, Лия ждала проводника. Вскоре и он появился в яркой клетчатой сорочке. Его быстрый и бодрый молодцеватый шаг не соответствовал возрасту – его морщинам и седине. Лия удивилась такому несоответствию, но промолчала. словно почувствовав вопрос, застывший на её устах, сказал:

– Если что-то хотите спросить, спрашивайте сейчас, потом разговаривать не будем.

– Почему?

– Не та обстановка... не располагающая к разговорам... да вы увидите, сами не захотите говорить, и если что и расскажете, так только завтра.

– Завтра наступит через час. Мы справимся за час?

– Я имел в виду – днём.

Пошли рядом. Метров через сто началась дубрава. Они вступили под кроны могучих дубов. Стена деревьев полностью поглощала шум машин, где кроме удивительной умиротворяющей тишины их овеяла влажная прохладная пелена. Появилось ощущение другого мира. Но так не может быть! Минуту назад она была в одном мире, теперь оказалась в

другом. А ведь это та же тропа, те же деревья, а мир другой?! Может быть, они перешли черту, разделяющую миры, и это действительно другой мир. Сказал же: «Ждут чудеса». Она посмотрела на проводника. Удивления не было на его лице. А чему удивляться, если он не первый раз тут. Лия продолжала путь, прислушиваясь к своим ощущениям. На смену различия миров приходило чувство единения – она сама была этим миром. Наверное, это и называют озарением, когда находишь вдруг в себе ответы на давно мучившие вопросы, приоткрывая завесы тайны, наброшенные пространством между мирами. И эти источники, дубы, растущие из одного корня, деревья с причудливо искажёнными стволами – это всё маркеры тайного мира, сокрытого от непосвящённого. Наверное, одной любознательности мало, чтобы открылся тайный мир, поведал о себе. Тогда что же в ней такое есть, к чему обратился неведомый доселе мир? Она уже не боялась и не удивлялась новой реальности, открывшейся перед нею. Она воспринимала её с трепетом.

Вдруг стала ощущать, что поле её зрения сужается, концентрируется, как луч. Поняла, что видит небольшой клочок земли перед собой. Казалось, что кто-то или что-то удерживает её взгляд в этом направлении. Она пыталась увидеть больше, повернув голову, но видела опять только перед собой. Шло понимание, что очень важно именно здесь сосредоточить взгляд. Это не испугало её, а увлекло новизной. Она буквально ощупывала взглядом землю и, несмотря на

ночь, видела каждую кочку, травинку, каждый листочек. В маленьком круге её зрения всё было видно как днём. Кочка, которая привлекла её внимание, начала шевелиться и изменяться в размерах и в форме. Она приобрела форму кошки... и вдруг Лия поняла, что это действительно кошка... крупная чёрная кошка, очень добродушная и похожая на её Кардика, который вместо «мяу» издавал звук, соответствующий человеческому «ма-а-м». С этим уникальным котом у неё была любовь, причём, любовь взаимная. Она и сейчас пришла, заполонив её до краёв, распространяясь вокруг. Она не только чувствовала, она видела её. Любовь искрилась, переливаясь разными цветами, проистекая от Кардика к ней и дальше. Под её воздействием изменялось окружающее пространство. Оно становилось вязким, претекало, искривлялось, переливалось разными цветами, словно переплетались между собой дуги радуг. Думалось, что так красива любовь, так торжественна и радостна. Качества любви передавались и ей, и она радовалась и торжествовала. За первой волной шла вторая, за ней – третья. Любовь искрами сыпалась с каждого волоска кошки, соединяясь в потоки. Лия ощущала необыкновенную лёгкость, как будто любовь напояла её, как воздух резиновый шарик. Понималось, что ни одно препятствие не сможет вынудить отступить это свечение – такой мощи и силы оно было, несмотря на лёгкость и воздушность. Казалось, что ему подвластен мир. И в доказательство, заполонив собою всё вокруг, оно поднималось

вверх. Поднявшись над кронами, стремилось в космос, уносясь всё выше и выше. Как же легко было и прекрасно! Что ж мешает нам жить в любви и чувствовать себя также на Земле? Лия ощущала не только лёгкость воздушного шарика, она не чувствовала груза невзгод и усталости и светилась, излучая переливчатый свет. Казалось, блаженство будет бесконечным. Она возносилась всё выше и выше в переливающихся волнах, словно плыла в разноцветно светящихся водах моря. С высоты видела себя на земле маленьким и озабоченным человечком, отягощённым повседневными заботами. Ей так было жалко себя. Как же она старалась все их выполнить, а они, наглые, всё наседали и наседали. Кто-то говорил:

– Отринь заботы.

– Не могу. Я должна.

– Ты сама себе придумала их и свой долг. Во Вселенной нет такого понятия. Освободись от долга. Дай душе вздохнуть свободно.

– Не могу. В нашем мире так заведено.

– Уйди из этого мира.

– По-нашему уйти – значит умереть.

– Смерть – это не конец, это инобытие. Но можно и не умирая, оставаясь на Земле, пребывать в другом мире, в том, в котором ты сейчас.

– Достаточно только любить?

– Да. Любить всё и всех, и свет прежде всего.

Вдалеке появилась маленькая красная точка, похожая на горящий уголёк. Она приближалась. И по мере приближения разгоралась и росла. И вот уже оранжево светящийся диск катится на неё. Исходящий от него жар жжёт кожу. Она открывает глаза, всё ещё ощущая жар диска, но это уже жар солнца. Сидит, прислонившись к дереву, недалеко от источника. Рядом её проводник.

– Вы не спали?

– Я должен был охранять вас.

– Я вам заплачу.

– Не обижайте. Я не ради денег пошёл. Я должен был сделать это.

– А мне только что говорили, что долга во Вселенной не существует. Вам оттуда ведь «позвонили»?

Он промолчал, но по выражению лица было видно, что она почти угадала.

– Невероятно! Я вроде бы сама устроила себе каникулы, а получается, что кто-то подстроил.

– Получается.

– А кто они?

– Узнаете со временем. Я отойду, а вы всё снимите и омойтесь в источнике, потом выпейте несколько пригоршней.

«Я не спала ночь, но усталости не чувствовала. А может, спала, и это всё приснилось? Да нет, не спала. А почему тогда глаза были закрыты?» – размышляла она. «Чтобы не мешало видеть другой мир», – это проводник ответил на её мысли.

Она не удивилась, потому что уже встречалась с людьми, которые умеют читать мысли.

Вода оказалась вязкой, густой, по консистенции похожей на гель, хотя из источника по камням струилась обычная прозрачная, с едва уловимой серебришкой. Прикасаясь к телу, обжигала, словно впивалась мириадами иголок. Каждая иголочка впрыскивала силу, и кожа на глазах становилась гладкой и упругой. «А чудеса продолжаются, хотя ночь уже закончилась», – думала Лия. «Природа за любовь платит любовью. Тебе стало плохо, и ты обратилась к ней за помощью», – снова вторгся в её мысли проводник. Удивительная вода не оставляла влаги, и тело было сухим. Лия оделась, наклонилась и подставила руки под источник. Вода как вода. Она набрала несколько полных пригоршней и выпила с жадностью. Вода была приятной на вкус и пахла детством, её детством. Именно такой вода была в её детстве, хотя и шла из водопровода. С такой же жадностью она пила её, набегавшись за день, с таким же наслаждением вдыхала её аромат, аромат глубокой земли, откуда она прибывала, так считала Лия. Потом вода потеряла вкус и запах. Так, может, не вода стала другой, а она сама? Она сама утратила способность ощущать её вкус и запах? Получается, что мир ещё зависит от наших способностей его воспринимать. А почему меняется наше восприятие? От отношения к воспринимаемому?

Пока омывалась, почувствовала голод, но и его утолила вода, не только жажду.

– Удивительная вода, – сказала, подходя к проводнику. – Я ещё долго буду пытаться понять то, что произошло.

– И не один год. И, по мере взросления и приобретения знаний, каждый раз будешь понимать по-другому.

– Кто вы? Экстрасенс, гуру, ангел, инопланетянин?

– Землянин, знающий чуть больше вас.

– Вы знали, что я приеду?

– Мне был знак.

– Так всё таинственно. Даже страшно становится.

– Страх – это естественное явление для человека, и он всегда появляется на пути к знанию новому и непривычному. Но вы преодолеете его. Вы достойны нового знания, и оно к вам придёт... со временем.

– Когда?

– Тогда подскажут. А сегодня уезжайте, никому ничего не объясняя и не рассказывая о том, что видели и узнали. Это только ваше, сугубо ваше.

Она так и поступила.

Интересно то, что Лии ни единожды напоминали о внеземной любви: то бабушка приснится, то молодой человек, то кошка, как в тот раз. Наверное, потому, что Лия стала её терять. Она помнит, что в детстве и юности очень любила людей. Потом, по мере взросления, эта любовь угасала, вот ей и напоминали. И всегда это было ярко и волнительно, завораживало и заставляло пересмотреть своё отношение к окружающим.

На тропе духов, на этой «вене дракона» она поняла, что открыла следующую страницу своей жизни. Пришло понимание того, что препятствия, даже те, которые кажутся неудачами, это знак к переориентации. И для того, чтобы понять эти знаки или послания, надо обладать воображением и время от времени напрягать его и прислушиваться к нему. Надо научиться оформлять свои ощущения и символы в образы, понимать, что через эти образы нам и помогает интуиция. Именно во время таких передышек или отдыха часто приходит озарение и переосмысление прежнего мировоззрения. Как полезно прислушиваться к той информации, которую нам посылает интуиция. Почему-то подумалось о том, что, если бы она забыла о своей мечте, если бы считала её бесполезной, если бы не считала, что именно в ней её жизненная цель и предназначение, не получала бы подсказок от интуиции. А если бы она и продолжала ей посылать, то не понимала бы их, окутанных туманом пренебрежения. Не зря ей здесь ещё раз напомнили о любви. Она приехала искать защиты и спасения в природе. От чего? От злости на редактора, от раздражения, которое сопровождало её последнее время. Здесь ей дали понять, что злоба и раздражение, направленные на кого-то, обязательно вернуться к ней. Не кому-то она их адресует, а самой себе. Вот эти сильные негативные эмоции и разрушили лад в её жизни, забрали покой. Наступило неприятие всего окружающего. Она ехала в Воронеж, чтобы вернуть себе душевное равновесие. А вер-

нуть его можно было только положительными эмоциями, и ей их послали. Любовь! Вот что надо дарить окружающим, а не едкую желчь неприятия. Кто дал ей право судить?! Судить кого? Господа, за то, что он их создал такими? За те их недостатки, с которыми, может быть, и хотят, но не могут справиться? Нет. Надо начинать с себя. Надо изживать свои недостатки, и не с ненавистью к людям, а с любовью. Ведь ни для кого не секрет, что любимым мы многое прощаем. Ей надо ежедневно, ежечасно, ежеминутно помнить, что всё в этом мире началось с трёх слов: «Бог есть ЛЮБОВЬ». Что она пришла в этот мир, чтобы уважать его, считаться со всеми его установками и условиями, ценить жизнь не только свою, но и чужую, и единственное, что имеет смысл – это любовь, любовь, которую ты даришь, любовь, которую получаешь и любовь, которую ты оставляешь, уходя. На этой мысли вспомнила бабушку. Она смогла, уходя, оставить ей свою любовь, которая греет её всю жизнь, помогает справляться с недостатками и невзгодами, нередко выпадающими последнее время. Она учила её с детства: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Это понималось: не строй радужных замков, знай, что на жизненном пути может быть много препятствий и трудностей, горя и боли, готовь себя к этому. Готовь себя всё перетерпеть и достойно перенести. Научиться страдать и терпеть не только потому, что потом воздастся, а потому, что это непреложные условия жизни. Ещё бабушка учила: «Что Бог ни делает, всё – к лучшему». Такое отношение к

происходящему часто ей помогало. Вот и сейчас: если бы она не поругалась с редактором, не устроила бы себе каникулы, не поехала бы в Воронеж, не пришло бы вместе с озарением новое знание.

Когда Лию переполняли эмоции, когда они неистово буйствовали, она не могла чётко мыслить и формулировать, потому что фейерверк чувств подавлял логику своей буйной энергией. Она могла говорить только после того, как утихнут эмоции, угаснет неистовство, улягутся чувства в отведенные для них клеточки мозга, для дальнейшей переработки и превращения их в мировоззрение. Все увиденное и познанное плотно упаковывалось в блоки памяти и сохранялось на века. Так бывало с обычными переживаниями по поводу обычных событий. Но свидание с Небом и Землей не было обычным, оно выпадало из привычных рамок жизни. А спросить у кого-нибудь об этом она не могла, потому что чувствовала, что это сокровенно, что это тайна, в которую посвящены только участники свидания, и она ни в коем случае не должна кому-либо рассказывать об этом в подробностях. Только через много лет, когда шел ей пятый десяток, она подумала о том, что как-то надо запечатлеть то, что происходит с нею на этих свиданиях. Запечатлела в рифмованных строках и назвала их «Познай себя». Впоследствии она узнала, что то, что с ней происходит, называется медитация. Это была первая попытка озвучить свои переживания, и только теперь она разобралась подробно и до конца. А до конца ли? Может

быть, это только очередная порция? Ведь, когда она рифмовала строчки, тоже думала, что во всем разобралась. Она уже перестала удивляться происходящему с ней. Спокойно принимала все эти чудеса с точки зрения обывателя. Нельзя сказать, что она привыкла к этому, потому что к такому нельзя привыкнуть, как нельзя считать привычным то, что каждый раз удивляет. Не могла она назвать и обычными эти явления, потому что ничего подобного с окружающими ее родственниками и знакомыми не происходило. Так и жила она, доверившись этим явлениям, не пугаясь их и не шарахаясь от них, пытаясь докопаться до их назначения, пытаясь понять, зачем они являются ей.

Сейчас Лия пыталась осмыслить, что значит увиденное и прочувствованное в святилище Тота. Пробовала утихомирить эмоции и всё вспомнить. В первых «кадрах» видения ей показали знакомые отрывки из жизни, объединенные рефреном: «...благородное стремление пожертвовать собою для блага человечества, сохранить в себе что-то важное и поделиться им с теми, кому оно предназначено...», потом пошла более подробная расшифровка процесса медитации, которую она проводила неосознанно с самого детства. Интересно, что эта расшифровка ей подавалась через интервалы, содержащие десятилетия, последовательными отрывками. Сначала она узнала, что эта ее привычка или потребность называется медитация, а теперь она узнала, что же с ней происходило в эти моменты. Можно бесконечно было

удивляться: откуда это у неё, но удовлетворить это удивление она бы никогда не смогла, если бы ей сейчас не показала. Откуда она знала, что надо так делать – ложиться на спину, протягивать руки вдоль туловища ладонями вниз? Просто ей так хотелось, а ладони аж слегка чесались, просили прикосновения с землей. А оказывается... Только сейчас она смогла свои ощущения озвучить, «разложить по полочкам». Всю жизнь это было одно большое «ах!». Что-то кипело, бурлило, пронизывало её, вызывая ощущение радости и торжества. Если разделить лежащего человека горизонтальной плоскостью по оси симметрии, то получатся две равные части: нижняя и верхняя. Нижняя её часть погружается в мягкую и податливую, как перина, землю. Лёжа на Земле, она чувствует её дыхание. Не слышит, как обычно его слышат ушами, а чувствует через энергетический поток, который в нее вливается, чеканя ритм. Он вливается в нее столбом света, концентрируясь в солнечном сплетении и уходя в небо. Она старается и свое дыхание отрегулировать в унисон с дыханием Земли, а в это время Небо опускается, вбирая в себя ее верхнюю половину, соединяясь с землей. Так она принадлежит одновременно и Земле, и Небу. Несмотря на то, что небо лежит на ней, эти светящиеся столбы уходят далеко ввысь, и она знает, что они поддерживают Небо, то основное небо, которое осталось там, вверху.

И вот уже дыхание Земли, её дыхание и дыхание Неба, соединившись в едином ритме, вливаются в гармонический

поток Вселенной. Но она не улетает ввысь, а плотно прижимается к земле, погружаясь в неё, ощущая её податливую мягкость, обволакивающую покоем и любовью. В то время как энергия заполняет каждую клеточку тела, струится по косточкам, обновляя их и настраивая на нужный космический лад, она блаженствует. Блаженствует оттого, что всё её существо наливается необыкновенной силой, заполняется живительными соками, восстанавливая ощущение его целостности и новизны, утверждая торжество жизни. Она становится другой, лучше, чем была, в этом она уверена. Лучше потому, что нельзя быть плохой и не достойной тех даров, которые преподносит ей Земля. Земля, которой много-много миллиардов лет, выбрала её, ей помогает, её наливает своими соками. Она ощущает, как под ней кипит огромный шар, наполненный энергией, как гудит от той мощи, которая наполняет его. И частичка этой силы, этой мощи вливается в неё, смешиваясь с энергией Неба, с дарами планет, связанных с ней по жизни. Она чувствует, как энергия Неба, идущая к Земле, пронизывает и её. Её окружает безграничное мироздание, уходящее своей чернотой в необъятное пространство, заполненное звёздами, туманностями, планетами и энергией. Энергией, которая пульсирует, как пульсирует её сердце, слившееся с вселенской мощью. Со всех сторон к ней тянутся волнообразные токи, и она, благодарная, принимает их. Углубляясь в себя, осознавая себя другой и понимая, насколько она, как и все люди планеты,

зависит от Земли, Неба, планет и всего окружающего, пребывает в блаженстве и умиротворении и... в благодарности. Она принимает заботу и любовь всего окружающего и посылает свою любовь им. Ощущая свою значимость в этом мире и взаимную любовь, открывает глаза. Свидание окончено.

Что такое наши действия в жизни? Это набор привычек и стереотипов. Исходя из них, мы воспринимаем действительность, реагируем на разные явления, осознаём их или не осознаём, подбираем соответствующие слова и удовлетворяем свои привычки. Так думала Лия, возвращаясь из пустыни. Она не замечала своих спутников, потому что была поглощена размышлениями о том, что ей пришлось ощутить, прочувствовать и осознать... и что удалось узнать. Да, именно привычки для нас главное. Что привычно, то мы и считаем правильным. Для нас привычно жёлтое солнце, и мы считаем, что оно только таким и должно быть. Но она несколько минут назад видела фиолетовое, почти лиловое, солнце, и оно так же светило, как наше жёлтое. Только окружающее пространство было не золотистым, а розоватым. И это тоже было красиво. Она видела чёрные цветы изумительной красоты сетчатых, ажурных, совсем непривычного рисунка и формы, лепестков. Да, непривычных, но прелестных, даже более, чем земные цветы. Хотя их цвет и форма были непривычны для неё, воспринимались они не как абсурд, а как великолепие, и дарили наслаждение. Наверное, потому что соблюдались все каноны гармонии. И вдруг она вспом-

нила, что примерно такое она видела во сне и очень удивилась черным цветам с лепестками, похожими на перо птицы. Возникшее тогда смятение долго ей не давало покоя. Откуда такая картинка, ведь это было много лет назад, когда на земле еще не научились выводить черные цветы. И вот она вновь увидела такие цветы, разрушившие прежние стереотипы. Но стереотипы меняются со временем. Уже и на Земле появились черные цветы, а увиденное сегодня только подтвердило, что прошлое, настоящее и будущее существуют вместе. Поэтому она и смогла в прошлом увидеть то, что существовало в будущем. Но на сегодня это было настоящее. Теперь она затрудняется сказать, к прошлому, настоящему или будущему относятся и те цветы, которые ей были показаны сегодня. Это были удивительные цветы. Но самое главное, что она сама была этими цветами или они были в ней, только не те, не черные, а белые египетские лотосы. То они выходили из нее на почтительное расстояние, и она могла их детально рассмотреть, то опять возвращались в нее, как бы напоминая, что она и есть эти цветы, что они – единое неразрывно связанное естество. Они появились после свидания с Небом и Землей, в ней, наполненной силой и токами и обновленной. Когда они удалялись, она могла различить два цветка со стеблями, сплетенными вокруг третьего. А когда они были в ней, третий цветок начинался от лобка и через темечко уходил в пространство над головой распустившимися лепестками. Из них поднимался к небу светящийся поток. Опять

светящийся поток! Когда она лежала в медитации, такой же поток по свету и форме, но, наверное, отличающийся по сути, исходил из солнечного сплетения, а теперь из темечка. Два других цветка брали начало чуть ниже бедер, один на одной ноге, второй – на другой, а заканчивались в предплечьях. Интересные цветы были. Узел их переплетения располагался как раз на солнечном сплетении. Опять солнечное сплетение! И это не коса, а именно узел или петля, очень похоже на то, как плетутся венки.

Все считают, что египетских богов египтяне, как и все остальные народы, придумали. И Лия, читая египетские мифы, не очень была уверена, что они в действительности существовали. Думала, что это скорее символы, какие-то силы энергии или понятия, олицетворенные в образах этих богов. Она не только думала, но ей казалось, что она чувствовала, но чувство это было таким смутным, таким едва угадываемым, что твердо ответить, как же она расценивает такое количество богов у египтян, Лия не могла. Конечно же, на ее восприятие, хотела она этого или нет, повлияло и отношение современников. В частности, ее любимый роман «Таис Афинская» сыграл в этом тоже немаловажную роль. И Александр Македонский, и Таис отнеслись к многобожию с критической иронией. По-разному относятся и другие, как к недалекости жрецов, насаждающих такое поклонение, или, наоборот, для удержания в страхе и послушании народ. Обвиняли жрецов и в том, что разные стихийные бедствия, по-

ведение животных, необычные свойства растений они объясняли как проявление могущественных сил, со временем обожествляли, не имея возможности их объяснить. Как же ошибались обладатели таких суждений. Действительно, весь окружающий нас мир обладает многими необычными свойствами, и их египетские жрецы, как самые просвещенные из современников, знали, и знали их влияние на человека. Это она узнала в удивительном видении, которое ей представили сегодня. Иначе как бы они создали эту зашифрованную информацию, которая существовала испокон веков и которую Лии только что показали. Эта композиция из цветов, эзотерическая икебана, то накладывалась на ее тело, и она его видела со стороны, то отдалялась на почтительное расстояние, воссоединяясь с восьмеркой богов. Этим самым ей давали понять, что и тройка цветов, и она сама, и восьмерка богов неразрывно связаны между собой теснейшими единичными узлами. Внизу этой картинке стояли буквы: КА-БА-ЛА-ОН. Она понимала, как часто бывает во сне, когда ты понимаешь без слов то, о чем идет речь, что это очень древнее знание, знание о взаимоотношениях человека и окружающего его мира. Эти три цветка, имеющие бутоны, не одинаково прорисованы. На двух цветках четко видно по три лепестка. И, как только она задумалась над этим, ей пошла информация о видимых и невидимых энергиях. Тогда цветы растворились в пространстве и стали волнообразными струйками, пронизывающими ее тело, частично уходя в космос, частич-

но обволакивая ее. К ним присоединилась и восьмерка богов. Смешиваясь между собой, они окружили ее тело восьмью оболочками, а затем появилось сияющая девятая. Она чувствовала каждую из оболочек, и это чувство можно было сравнить с ощущением звуков, исходящих от струн музыкального инструмента. Как по-разному они звучат, но соединившись вместе, рождают чарующую мелодию. Именно так она могла описать свое состояние во время видения. Чарующая музыка из девяти нот или планов окружала ее, и она знала, что она сама и является этой музыкой.

Она знала, что в Египте БА – обозначает энергетический двойник человека и имеет несколько расшифровок, а КА – обозначает примерно тоже, что на Руси называется чистым духом, святым духом. Если исходить из увиденного, то именно эти две энергии формируют все остальные тела человека. Но почему их девять? Ведь восточные учения называют семь энергетических оболочек человека.

Кроме этих восьми богов, которые были на картинке, все время присутствовала звездная дама. Лия ее знала раньше по египетским изображениям. Это была богиня НУТ. Она руками и ногами упиралась в основу, а все ее тело было усеяно звездами. Так вот, все видение находилось между ее ногами, руками и животом, то есть она стояла так, что образовывала букву «П». Внутри этой буквы все и находилось. НУТ – это космическое пространство. Получалось, что космическое пространство тоже было ее оболочкой, и она име-

ет непосредственную связь с планетами. Вот и не верь после этого астрологам! И это влияние планет происходит не столько на внешнем, сколько на внутреннем уровне. А дальше было такое, что никак не могло уложиться в современные рамки понимания. И она сама, и ее энерготела росли и расширялись до беспредельных размеров, как будто бы она и есть сама вселенная, как будто бы она и есть сам Бог. Все бурлило и кипело вокруг, наполненное разного рода энергиями. Что-то во что-то превращалось, что-то соединялось, а другое, наоборот, распадалось на великое множество. И она знала, что видит не все, а только то, что ей сегодня решили показать. Лия уже привыкла к тому, что информация поступающая ей, дозирована. Она не знала принцип этой дозировки, но знала, что позже придет все остальное, и разгадается то, что на сегодня является загадкой. Так уже было не один раз. Иногда разгадка приходила вся сразу и быстро, иногда на это уходило несколько лет, и информация подавалась по частям. Не всегда это было во сне, она ее находила в книгах, газетах, в телепередачах, в общении с людьми, иногда даже совсем незнакомыми. И она надеялась, что придет время и все эти пульсирующие энергии предстанут перед нею вполне понятной жизнью космоса, и она поймет, что обозначал ее рост до беспредельных размеров. Да, она еще не знала назначение энергетических потоков, но ощущала их вполне естественными там, где она находилась несколько минут назад.

– Как же я не чувствовала этой энергии раньше? – спро-

сила удивленная Лия, поравнявшись с Захи.

Захи знал, что, получив информацию из поля Вселенной, к которой они были подключены, каждый из них осмысливает, поэтому сосредоточенно молчит. Но он готов прийти на помощь каждому, кто в ней будет нуждаться. Он знает, что информация эта не была одинаковой для всех. Каждому было дано в соответствии с их уровнем знаний и интеллекта. Но он видел, что все они были потрясены. Первой к нему обратилась Лия, потому что все виденное, несомненно, потрясло ее, породило множество вопросов. Он понял, что ей просто необходимо с кем-то поделиться, и он был рад быть этим «кем-то».

– Самое страшное, что каждое последующее поколение все более утрачивало связь с приемами мистерий древних, которые позволяли душе (ба) переживать духовный опыт, и становилось все более бездуховным. Эти приемы хранят множество тайн и откровений. А энергии, которые использовали древние на алтарях и капищах, существуют и по сей день и воздействуют на человека, но человек этого не понимает и не умеет пользоваться ими.

– Не то что пользоваться, я вообще представления не имела о всех тех энергиях, с которыми познакомилась сегодня. Ну, знала о «ка» и «ба», об «инь» и «янь». Знала, конечно, поверхностно, как их трактуют и среди прочих их значений – единение духовного и материального, рационального и иррационального в человеке. Я даже стихотворение об этом на-

писала.

Скажу, как все пророки мира,
И как Христос, и как Аллах,
Что слитно радио- и ирра-
И свито в жгут в земных телах;
И то, что иррационально —
За гранью разума лежит —
Оно извечно, гениально,
И между ними нет межи.
Рациональное мышление
Дорогой знания ведет,
Порой немислимым вплетеньем
В понятий и догматов свод.
Но ирра- ум предвосхищает,
Толкает на познания путь,
И он выводит, вычисляет,
В законы оформляя суть.
В потоках бурных словопрений
К строжайшим формулам придёт.
К анализу, ведь, без сомнений,
Та ж интуиция ведёт.
И алогический, безумный
При озареньи смутный блик —
В конце концов, логичный, умный
И обоснованный вердикт.

Лия понимала, что высказанное в этом стихотворении – самое примитивное представление, что все намного слож-

нее. Эта первая попытка сплести в неразрывный единый жгут рациональное и иррациональное, показать их сосуществование, проникновение одного в другое, послужила стартом для поэтической книги «Многозначная однозначность».

– То, что я видела и чувствовала сегодня... было похоже на то, что я и есть Вселенная, что я и есть Бог, но этого же не может быть. Может, я что-то неправильно себе представила?

– И человек, и Вселенная имеют единое Начало, а значит, и единое строение. Учение о сотворении мира повествуют о Творце, который, создавая себя из первородной энергии, воплотил в себя все девять планов Вселенной, а Вселенная – все девять планов человека. Таким образом, древние утверждали, что человек произошел от Творца, и это действительно так. Предполагалось, что человек, понимая это, то есть свое божественное происхождение, понимал свое место в жизни и был ответственен за свои поступки. Ведь он есть проекция Творца в материальном мире. И Творец смотрит на мир глазами человека, чувствует через органы чувств человека, слышит – ушами человека. Человек устроен так же, как и Вселенная, являющаяся телом Творца. Так что все ты правильно поняла.

– Но почему девять? У нас ведь семь энерготел.

– Так думают некоторые в силу симеричности мышления. Симеричность присутствует в мифах всех народов, а это говорит о том, что такой образ мышления возник в глубокой древности, когда человечество говорило на одном языке.

ке. К сожалению, этот единый праязык безнадёжно утрачен. Семиричность возникает на основе наблюдения за окружающей средой. Невооружённым глазом человек мог видеть семь планет: Луну, Меркурий, Марс, Венеру, Юпитер, Уран и Сатурн. Отсюда и семь дней недели, что совпадает с семидневными фазами Луны. На них создан лунный календарь, в котором месяц состоит из 28-ми дней. А в системе цифровой магии, созданной Пифагором, число семь олицетворяло Космос.

– Я чувствовала, что семёрка что-то значит, но не знала, что именно. Я родилась 14-го числа, моя дочь – 21-го, вышла замуж 14-го, и другие важные события происходили в дни 14-го, 21-го и 28-го чисел. Только сейчас, Захи, когда ты акцентировал на этом внимание, я вспомнила, что и нот всего семь, семь богатырей в былинах, семь цветов радуги.

– И семь дней творения мира в Библии, – продолжил перечисление Захи, – и семь тайн Корана, и семь холмов, на которых строились древние столицы Рим и Москва. Несомненно, холмов, если присмотреться, можно насчитать и больше, но человек принял «семь».

– В нашем городе считается, что самый первый Дворец культуры был построен на самом высоком шестом холме. А может быть, один не заметили, и Донецк, как и древние столицы, тоже стоит на семи холмах и, как говорят на Руси, «на семи ветрах». А у нас действительно сильные ветры, которые в основном дуют из Сальских степей, растворяя смог кисло-

родом.

– Чувствуется, Лия, что ты очень любишь свой город, – заметил Пьер, – и я тебя понимаю. Я тоже очень люблю Париж.

– Париж не любить нельзя! Я с детства мечтала в нём побывать, но даже когда насобирала деньги на поездку, мне отказали в турбюро, мотивируя тем, что сначала надо съездить в две бывшие социалистические республики.

– Вот пример относительности и человеческого фактора – узости его мышления и предвзятости. Так было и с семиричным мышлением. Вместе с Солнцем и Землёй получалось девять представителей солнечной системы. Их не учли, их выделили в другую группу, так же, как и энерготела человека. Это ошибка. Непризнание в человеке божественного плана на многие века откинуло человечество в пропасть деградации, безнравственности и вытекающих отсюда последствий.

– Захи, а ведь я в своих вопросах была где-то близко к истине.

– Каких вопросах?

– Я задумалась над тем, почему, если мы созданы по образу и подобию Бога, нас не учат, как достичь этого образа, а замыкают наше развитие на молитве.

– Вот-вот, ни одно религиозное учение не дает человеку представления о Творце. А ведь именно отношение человека к Богу и формирует его мировоззрение. Мы уже так

далеки, что не помним истоков, не помним древних, имеющих космическое происхождение, знаний. И если в глубокой древности это учение знали немногие, то сейчас пришло время просветить народ, сделать это знание доступным для всего человечества. Мы дикари по сравнению с древними в отношении к природе, к окружающему пространству. Древние племена, населяющие Землю, не мыслили своей жизни вне определенного ландшафта, к которому привыкали с детства и считали себя неотделимой его частью. Можно ли сказать это о человеке теперешнем, особенно, живущем в городе?

Все отрицательно закачали головами.

– Мы должны научиться этому, наверстать упущенное? – спросила Лия.

– Да, и поэтому вы здесь. У разных племен были свои приемы, но они походили друг на друга в своей глубокой сущности – в единении человека, природы и энергии. Тайна нашего благополучного будущего сокрыта в древних святилищах, многие из которых давно забыты и лежат в руинах. Но их сила, сила энергии, исходящей из них, сохранилась, и вы в этом сегодня убедились сами.

Все опять дружно закивали головами в подтверждение его слов.

– Но многое ли вы поняли? Я с уверенностью могу сказать, что нет. Кто-то чего-то уразумел больше, кто-то меньше... и досадное осознание того, что главное ускользает от понимания.

– Это верно, – подтвердила Лия. Дома, в Донецке, я совсем не задумывалась над этим. Сколько раз ездила на экскурсии... но это все было поверхностное созерцание. А здесь, в Египте, я впервые почувствовала и ощутила, что все эти строения нечто большее, чем руины, чем поверженные временем монументы. И не потому, что впечатляла их грандиозность и архитектура, а потому, что от них исходило нечто, что делало тебя соучастником тех времен и событий. Только это ощущение было настолько слабым, настолько смутным, что я едва догадывалась о нем. А в святилище Тота я почувствовала, что это ощущение из моих недр пробивается наружу, к сознанию, и я пытаюсь это осознать... и вдруг твои слова, Захи. Они убедили меня, что я на правильном пути.

Все участники похода, не сговариваясь, после пережитого на руинах святилища, которое породило их, перешли от чопорного «вы» на доверительное «ты».

– А я, слушая тебя, – решил поделиться сокровенным Пьер, – вспомнил каньон в Чако и мои ощущения. Их сложно передать словами, но я попробую. Со мной происходило что-то необычное. Я, казалось, беспричинно волновался, когда поднимался по лестнице, чтобы попасть в киву. Кива – это такое круглое сооружение, укрепленное в земле и сверху прикрытое почвой. Она находилась в южной части каньона, на невысоком холме. В ее северо-восточной части в стене было прорублено окно. Я знал, что во время восхода че-

рез это окно увижу первый огонек солнца. Я волновался, как юнец, идущий на первое свидание. Пока я поднимался по лестнице, алое зарево разлилось по восточному небосклону, и вот... над горизонтом появился яркий уголек. У меня перехватило дыхание. В те минуты я не был туристом, я не был французом из Парижа, я был маленькой частичкой, маленькой клеточкой, вросшей во все то, что меня окружало: каньон, кива, окно, что открыло для меня то, о чем я до сих пор даже не подозревал. Я был единым целым всего мира, обласканным первым светом солнца и произведенным им в человека с большой буквы, человека космоса, человека Вселенной. Я стоял ошеломленный. Я бесконечно удивлялся и восторгался. Мне не хотелось уходить. Мне не хотелось потерять эту связь, это ощущение единства, которое наполнило меня, сделало важной и неотъемлемой частицей не только того мира, который предстал у меня перед глазами, то есть современного, а вообще всего существующего с давних давен. Я не могу сказать как, но я ощущал тот давний древний мир, и ниточка моей жизни тянулась оттуда. Это был день летнего солнцестояния, и я не знаю, как использовали это явление древние: совершали ли какой-то ритуал или вели астрономические наблюдения, но я теперь точно знал, что восход в этом окне оказывал огромное воздействие на человека. Он заставлял не только чувствовать, но и мыслить, переосмысливать известное, воспринимать его совершенно по-новому. Я вышел из кивы таким важным: я только что был

посвящен в святая святых Природы. И пусть я не мог объяснить это до конца, но кое-что понимал, понимал, что должен сохранить эту связь с окружающим, связь, которая стала такой важной для меня. Она предполагала не только созерцательное и потребительское отношение к окружающему, но и к защите его. Я не знал, как смогу защитить это небо, солнце, каньон, эту киву, но знал, что должен.

– Это тебе был дан знак. Тебя озадачили и заставили думать над решением. Тебе дали возможность ощутить единство, и оно тебе показалось странным, удивительным. А для древних людей такое единство было естественным. Сегодня вам приоткрыли маленькую щелочку, через которую пробилась первые робкие лучи Света. У кого-то из вас она была шире, у кого-то уже. Это потому, что Творец дает каждому ровно столько Света, сколько он в состоянии воспринять. Но сколько бы не получил каждый из вас, зрение ваше изменилось. Вы совсем по-другому увидите тот мир, в который вернулись. Пред вашим острым взором откроется вся пошлость поведения людей, их кощунство, оскверняющее святое. Вы научитесь выделять из толпы благоразумных и праведных, сразу же их отличая от тех, кто опьянен бесконечными оргиями и преступлениями. Кто, пресытившись пороками, впадает в зверство инстинктов. Вы уже больше никогда не увидите одинаковую, безобидную праздную толпу отдыхающих. Пред вашими взорами предстанет то, что содержится внутри их – души, вывернутые наизнанку, и истинные лица, с кото-

рых сорваны маски. Это ошеломляющее зрелище повергнет вас в растерянность, но у вас хватит мужества это пережить и никому не показать ни взглядом, ни вздохом то, что вы видите. Это вам дано для того, чтобы вы знали, с кем можете работать, а кто уже свергнут в бездну.

* * *

Орнелла обратилась опять к тому ощущению неопишуемой небесной любви, которая охватила ее во время медитации. И, как бы там не было, но все до единого хотят любить, хотят найти любимого и жаждут взаимности. И эта жажда покрывает все стремления и помыслы, становится ведущей в жизни человека, толкает его на подвиги и преступления, подмяв под себя все остальные приоритеты. И, как пример своим рассуждениям, Орнелла подумала о том, как в глубокой древности ее будущий муж Тэти убил ее, чтобы заполучить в жены ее младшую сестру Юйю. Разве не любовь его толкнула на это? Власти он уже достиг, обручившись с нею. Он фактически уже был фараоном. Значит, не жажда власти, а жажда любви толкнула его на преступление. «А убивала ли я кого-нибудь? – спросила Орнелла, обращаясь к себе и к тому непонятному явлению, которое, извлекая из шкатулки ее памяти, подбрасывает одно событие за другим. Почему я все-таки так патологически ненавижу Лию?»

Она понимала, что это не только ревность к Пьеру, кото-

рый последнее время не сводит с нее глаз, это нечто большее. И она почему-то уверена, что докопается до этого со временем. Если в прошлой жизни она была не ее сестрой, как пытается ее убедить Пьер, а лишь дочерью сестры, то зачем же ей ее ненавидеть? Значит, где-то еще пересекались их судьбы. Но где? Интересно, все люди так же повязаны сетью причинно-следственных связей, словно густой паутиной? Не может же быть, что лишь только они четверо, а теперь еще и пятый – Захи, были в этом плотном клубке. К каждому из них должны быть привязаны еще многие, о которых они просто не знают. Так что же это получается? Весь мир – клубок человеческих сущностей, повязанных между собой? И она представила себе муравейник. «Да нет, это не муравейник, – ответила она сама себе, – это что-то неподвластное моему разуму, высветившееся благодаря упавшему на него лучику, лучику моего сознания. Как же все сложно... на Земле, а что тогда происходит во вселенной? Так могла ли я ради любви или из-за любви убить кого-то?»

И вдруг твердый песок пустыни, по которой они шли, превратился в мягкий ковер сочных трав, дюны – в каменистые скалы, а окружающее пространство покрылось густой растительностью. Она очень волновалась и куда-то спешила. Проворно проскакивая между толстыми стеблями лиан, быстро продвигалась вперед, несмотря на то, что перед ней возвышалась непроходимая стена зелени. Но так могло показаться только для непосвященного глаза. Зная особенности тропи-

ческих лесов, через них можно ловко и быстро пробираться. А для нее эти дебри – родной дом. Она в них ориентируется, как на улицах обычного поселения. Она не просто взволнована. В ее душе бушует гнев, перерастающий в желание мстить. Оно застилает темной пеленой глаза, заставляет неистово биться сердце. Руки, резко двигаясь, словно их сводит судорога, отшвыривают в сторону все, что попадает на пути. Туда, туда, вперед, вперед... и видение пропадает. Все возвращается на место: пески, дюны, спутники. Только бешено колотится сердце, и вздрагивают руки. «Боже, и куда же это я так спешила? И кого же я так ненавидела, и кому я так сильно хотела отомстить? Неужели Лии? Это что, был ответ на мой вопрос?!»

Она оглянулась. Лия шла чуть сзади и смотрела вперед. Но взгляд ее был отвлеченный, и казалось, что она видит нечто другое, намного интереснее однообразия окружающей их пустыни. Наверное, тоже что-то вспоминает. И, судя по выражению лица, что-то очень приятное. В ее взгляде сквозит вдумчивая радость, а по лицу растекается блаженство. Вечно везет этой Лии. Кто же она есть на самом деле и какую роль играла в ее судьбе, пыталась понять Орнелла. Иногда на нее накатывала такая всепоглощающая злоба к этой даме, охватывала с такой силой, что была сродни амоку, так называли малайцы состояние, которое описал Стефан Цвейг в одноименной новелле: «припадок бессмысленной, кровавой мономанчи, которую нельзя сравнить ни с каким ви-

дом алкогольного отравления». Много раз, находясь в Египте, она задавала себе этот вопрос, но ответ так и не приходил. И она перешла от этого бессмысленного занятия к попытке осознания виденного.

Пораженная своими ощущениями и теми знаниями, которые она восприняла на уровне интуиции, бесконечно удивлялась. Удивлялась тому, насколько велик, многопланов и многообразен окружающий ее мир. На всем протяжении земной истории человек пытался заглянуть за границу видимого, за грань того, что находится в области его понимания. И этого не могло не быть, потому что необъятный и неизведанный мир манил обитателей Земли своей загадочностью. Человек, постигая суть происходящего и окружающего, постигал самого себя.

Вот и она вышла из «святилища Тота» совсем другим человеком, совершенно не таким, каким несколько минут назад подошла к его руинам. Через неожиданные, сложные для понимания ее той, другой, и такие понятные теперь вещи, она проникла не только вглубь веков, вглубь Вселенной, но и вглубь себя. Какие же силы управляют нашими жизнями и нашей планетой? Совсем не те примитивные, о которых она знала. Знала, потому что человечество, жившее до нее, шаг за шагом по крупицам добывало это знание. Человек задавал вопросы и пытался на них ответить. Что таит в себе звездное небо? Какие тайны скрывает оранжевая луна, время от времени превращающаяся в золотистый серп? Наблю-

дая, извлекал ответы из своих наблюдений. А то, что не мог объяснить, обожествлял. И для каждого времени их ответы казались правильными.

С античных времен человек стремился познать не только свою планету, но и то, что находится за ее пределами. Глубокое черное небо, усыпанное россыпью ярких звезд, всегда манило тайной своей бездны.

В университете их учили, что картина возникновения мира начиналась с мифов, которые до недавнего времени считали сказками, выдумкой. И, как ни странно, эта картина, пережив века, начинает подтверждаться научными открытиями.

То, что она увидела, вознесясь над Землей, еще раз побудило ее задуматься над тем, что же такое наш мир. Что такое человек в нашем мире? Ученые предлагали свои теории возникновения жизни на Земле и человека в частности. Самая распространенная – теория эволюции. Согласно этой теории, под влиянием естественного отбора и внешних факторов окружающей среды из высших приматов получился человек. Так из австралопитеков, питекантропов, неандертальцев вырос современный человек. В пользу этой теории существуют биологические, психологические, палеонтологические, генетические, археологические и тому подобные подтверждения и аргументы. И все-таки...некоторые из них имеют неоднозначную трактовку и оспариваются. И правильно. Тому подтверждения есть в том, что она увидела се-

годня.

А ведь среди религиозных теорий, которые представлены в мифах многих народов, существуют утверждения, что человек был создан из дерева, глины, земли. Христианские взгляды отличаются тем, что утверждают божественное творение человека. Они не соглашались с теорией эволюции, считая, что человек, созданный Богом, и изменяется согласно божественному замыслу. Он был создан Богом Яхве, единым в трех ипостасях: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Ее интересовало, что скажет об этом Захи. Она приблизилась к нему, шедшему немного в стороне, рядом с Пьером.

– Захи, так богом или инопланетянами был начат род человеческий?

– Тебя интересует теория инопланетного или внешнего вмешательства? У нее несколько направлений: земной человек возник в результате скрещивания инопланетян с древними людьми; появился в результате применения генной инженерии инопланетянами, и в нас заложена программа его развития. Все это сводится к тому, что человек – подопытный материал. В пользу этого говорит гибель Атлантиды и потопа, когда избавлялись от неудачного материала. Последняя, самая молодая теория, возникла в прошлом веке. Согласно этой теории, на Земле существовало до современной расы четыре предыдущие. Первая раса ангелов представляла собой излучения, и общались они при помощи телепатии. Их рост был до пятидесяти метров. Чуть меньше, тридцать – со-

рок метров была вторая раса, и тела их были уже плотнее. Общались тоже при помощи телепатии и уже имели признаки пола. Третья лемурийская раса обладала плотным телом и ростом до двадцати метров. У них начали формироваться кости. В основном они были гермафродитами, но у некоторых развивались половые органы. Поздние лемурийцы-атланты были высокоразвитой расой. У них было два глаза и две руки. Третий глаз, оставшийся внутри черепа, – эпофиз, давал возможность им общаться при помощи мысли, но у них уже начала развиваться односложная речь. Четвертая раса – атланты – имели рост три – четыре метра и становились все меньше и меньше. Им была подвластна гравитация, они обладали гипнозом на расстоянии, имели высокие технологии и, как и предыдущие расы, получали знания из информационного поля Вселенной.

Все это Орнелла знала, но до конца полностью не могла поверить ни в одну из теорий. Да ведь это и были ничем не подтвержденные теории. Но все это она увидела в видениях и поняла, что каждая из этих теорий в какой-то части имеет право на существование. У нее голова шла кругом. Слишком много информации она получила, чтобы разложить все это по полочкам, связать в единую цепь, отведя каждому звену свое определенное место.

Если взять теорию создания жизни Богом, который имел место только один раз и не повторялся, и повторить которой невозможно, то как объяснить процесс эволюции существу-

ющих видов или появление новых?

– И все-таки это было! Я это видела – зарождение жизни, но как-то не так, как все привыкли понимать и воспринимать, не по земному, – обратилась Орнелла к Захи.

– Так как он был всего один раз, его нельзя ни доказать, ни опровергнуть, если не принять другой способ прочтения.

– Какой? – поинтересовалась она.

– Эзотерический. Поскольку эзотерическая гипотеза не научная, то она и не противоречит науке. Эзотерическая трактовка священного писания признана Русской православной церковью и Римской католической, есть пробы и в исламе. В книге бытия изложены христианские и иудейские представления о возникновении жизни, отвечая на вопрос, с какой целью была создана жизнь и каким образом это произошло. Одни постигают истину при помощи веры и откровения, другие экспериментируют и наблюдают.

Увидев по взгляду девушки, что она ушла в глубокие размышления, Захи замолчал. Видно, с его помощью она перешагнула через камень преткновения и пошла дальше в осознании того, что с ней произошло несколько минут назад.

Получив разъяснения от Захи, Орнелла двинулась дальше в своих рассуждениях. Человеку всегда была присуща жажда познания. Вот и она поступила на физический факультет Сорбонны, подстегнутая этой жаждой. Она хотела, изучая физику, найти ответы на непонятные для нее вещи. Может быть, когда закончит учебу, она и займется наукой, и будет

изучать, например, шумерскую Нибиру. А может быть, даже и побывает на ней. А может быть, она и была в ее видениях? Ведь видела она в своем видении горизонт какой-то планеты, к которому склонялось фиолетовое светило, а все окружающее пространство, усеянное диковинными цветами, переливалось и искрилось в его нежно-сиреневых лучах. Сейчас ученые ведут ожесточенные споры о существовании жизни на других планетах, а она ее видела несколько минут назад и твердо знает, что была не Земля с фиолетовым солнцем, а другая планета. Она-то твердо уверена, но что она может сказать ученым? Да если и скажет, ее просто засмеют в лучшем случае, в худшем назовут наркоманкой, употребляющей галлюциногены. Как она теперь понимает ученых, которые облекали свои твердые знания в гипотезы. У них не было доказательств, но они были уверены в своей правоте. Многие видели не все целое, а только части. Вот увидела же она только край планеты, значит, на сегодня ей этого достаточно. Покажут ли ей всю планету полностью, она не знала. Но одно знала точно, что посвятит свою жизнь поиску этой планеты. Такое, видимо, происходило и с другими учеными, которым она, конечно, и в подметки не годится.

Например, Коперник. Еще в эпоху возрождения предложил гелиоцентрическую модель мира. Он первый заявил, что вокруг Солнца вращается Земля и другие планеты, но... но он считал звезды неподвижными. Он знал только часть правды, которая была, видимо, точно отмерена для его со-

временников. И они смогли принять конечную Вселенную, заключенную в сферу звезд. Они ведь тогда еще не знали, что Солнце не центр Вселенной, а только солнечной системы. А вот Джордано Бруно не согласился и первый заявил о бесконечности Вселенной. Он опирался на астрономические наблюдения и философские взгляды. Исаак Ньютон попытался дать естественно-научное объяснение бесконечности Вселенной. По его положениям, в разработанных им законах механики, материальные частицы притягиваются друг к другу, и со временем они должны рассеиваться. Отсюда вывод: Вселенная имеет бескрайнее пространство. И такое понимание долгое время оставалось неизменным. А потом человечество столкнулось с тем, что существует несколько видов бесконечности в математике и геометрии. Есть такие понятия, как бесконечность и неограниченность пространства. Поэтому сейчас все соглашаются с тем, что пространство Вселенной неограниченно. Но вот конечно ли оно?

У Орнеллы появился повод приближаться к Саше: спрашивать о том непонятном, что видела.

– Я после святилища Тота размышляла над порционной подачей знания на землю, и эти знания касались устройства Вселенной...

– Ого, куда тебя занесло, – перебил он ее вступление.

– Я остановилась на вопросе бесконечности Вселенной.

Что скажут ученые физики по этому поводу?

– Не только физики, все ученые занимаются поиском от-

вета на этот вопрос. Чтобы на него ответить, надо изучить геометрию мира и расположение материи во Вселенной.

– Спасибо. Очень понятно, – сыронизировала Орнелла.

– Ну, извини. Я могу тебе сказать только то, что говорят ученые. Исходя из теории относительности, мировое пространство имеет конец, если средняя плотность вещества, находящегося во Вселенной, больше критической. Если ниже критической – Вселенная имеет бесконечный объем.

– И это возможно подсчитать?

– Некоторые пробовали.

– И что?

– Эти вычисления не могут ни доказать, ни опровергнуть бесконечность Вселенной, кроме того, они не проливают свет на ее геометрию.

– Почему?

– Потому, что общая теория относительности представляет только физический критерий, на основании которого можно догадываться о кривизне пространства. О физической величине этой кривизны можно судить на основании наблюдений. Так что современная наука твердо ответить на это не может, мой будущий Коперник.

– Коперник уже был!

– И будет еще ни один раз, только под другой фамилией!

Глава 2

Захи предложил вечером собраться в кафе и «подвести итоги». После ужина все собрались за последний столик, как заговорщики. По сути дела они ими и были, потому что разрабатывали план покушения на деспота, только не на того, который из плоти и крови, а который поселился в сердце, свергать не физического правителя, а того, который довлеет над сознанием. Захи не заставил себя долго ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.